

Солженицын до Солженицына. Как балканский Горький бодался со сталинским дубом

Панаит Истрати (1884–1935), писавший на французском и румынском языках, входил в число европейских литературных звезд межвоенного периода. Интерес к нему публики во многом объясняется тем, что он «нетипичен» сразу в двух отношениях.

Чтобы писать хорошие книги, необходимо прочесть и осмыслить как можно больше произведений великих предшественников. Во времена Истрати это условие автоматически отсекало от писательской карьеры детей рабочих и крестьян, вынужденных сызмалства зарабатывать на пропитание. Ромен Роллан, который подтолкнул румынского «гастарбайтера» к занятиям литературой, назвал его «балканским Горьким». Литературоведы считают, что Алексей Максимович несколько сгустил краски, живописуя свое детство в автобиографической трилогии «Детство», «В людях» и «Мои университеты». Но начало биографии Истрати действительно сходно с фабулой беллетризованных мемуаров Горького: сын прачки и контрабандиста, умершего когда Панаиту едва исполнилось три года, был рожден вне брака; формальное образование «бастарда» ограничилось четырьмя классами начальной школы; дальнейшие «университеты» состояли в постоянной перемене мест и занятий: «В Египте и в Малой Азии, в Греции и в Италии, во Франции и в Швейцарии, повсюду я принимал то, что мне предлагали: грузчик на вокзалах и в портах, подручный на верфях, лакей в гостиницах, кухонный мальчик в ресторанах, гарсон в пивных, кузнец, сеятель ... телеграфных столбов, землекоп, наклейщик афиш, фигурант в цирковых пантомимах, шофер сельскохозяйственного трактора, аптекарский ученик, пильщик, газетный экспедитор, странствующий фотограф и т. д.».

Разумеется, были и другие писатели из «низов», которые сумели подняться на вершину мировой литературы. Среди русских можно вспомнить Александра Грина и Андрея Платонова, которые, подобно Истрати, вышли «в люди» после тех же четырех классов начальной школы. Норвежец Кнут Гамсун начал работать с девяти лет. Один из величайших поэтов прошлого века ирландец Патрик Каванах с тринадцати лет зарабатывал на жизнь учеником сапожника. Этот список успешных «маргиналов» можно расширить. Но в любом случае среди знаменитых писателей первой половины двадцатого века такие «парвеню» составляли незначительное меньшинство.

Важно отметить, что, кроме Истрати, трудно найти другой пример человека без образования, ставшего известным писателем на неродном языке. Язык — это инструмент, который настраивается всю жизнь, поэтому лишь считанные из известных литераторов первой половины двадцатого века сумели добиться успеха на неродном языке. Можно назвать эмигрантов из Российской империи Джозефа Конрада и Айзека Азимова, писавших на английском. В Российской империи и СССР были писатели, которые успешно переходили на русский язык. В семьях Владимира Короленко и Юрия Олеши говорили по-польски. Скорее всего, на идише произнесли первые слова одесситы Исаак Бабель, Эдуард Багрицкий и Илья Ильф. Разумеется, и этот список неполон.

Еще реже встречаются авторы, которые с успехом творили на двух и более языках. Нам, прежде всего, вспоминаются русский и американский писатель Владимир Набоков и обладательница Гонкуровской премии Эльза Триоле, которая писала на русском и французском. Один из основоположников театра абсурда Сэмюэл Беккет создавал свои пьесы, пользуясь то английским, то французским. Спутник Истрати по путешествию в СССР Никос Казандзакис создавал свои произведения преимущественно на греческом, но два его романа, в том числе и «То да раба. Москва изда-ла клич», были написаны на французском. В распоряжении автора неоднократно переиздававшегося в советское время романа «Человек меняет кожу» Бруно Ясенского, который отметился в числе гонимых «ренегата Истрати», были три «рабочих» языка: польский,

французский и русский. Вероятно, рекордсменом в успешном писании прозы на разных языках был Владимир (Зеев) Жаботинский. Начиная на русском и ему прочили карьеру нового классика. Уверовав в идеи сионизма, Жаботинский перешел на иврит и идиш, а также писал на французском.

Истрати выделяется и в этой «микрогруппе». В отличие, например, от Набокова, которого по настоянию отца-англомана обучали языку Шекспира и Байрона с едва ли не первых дней жизни, Истрати всерьез начал осваивать французский в двадцать девять лет, когда в поисках куска хлеба попал сперва в Париж, а потом в Швейцарию. Известно, как барич Набоков кичился своей «врожденной» культурой и как издевался над плохим английским незаконнорожденный сына прачки Корнея Чуковского. Другой незаконнорожденный и тоже сын прачки Истрати доказал, что не обязательно родиться в особняке на Большой Морской, чтобы писать на двух языках.

Буржуазный сынок Эренбург высокомерно вспоминал, что Истрати «говорил на многих языках, и ни на одном из них не умел говорить правильно». Но ведь говорил! Чтобы представить, сколь удивителен был этот подвиг выходца с горьковского «дна», стоит упомянуть о состоявшейся в 1928 в Москве встрече «балканского Горького» с «русским Истрати», как язвительно выразился по поводу этой незадавшейся беседы ее свидетель Казандзакис. Истрати начал говорить по-французски. Горький посетовал, что не владеет галльским наречием и предложил позвать переводчика. Но Истрати жаждал пообщаться с одним из своих кумиров по душам и перешел на немецкий. Выяснилось, что Горький не знал и этого языка. Тогда Истрати вспомнил, что «буревестник» много лет парил над Капри и начал говорить на итальянском. Но и тут вышла незадача. Эта встреча двух «бродяг» мировой литературы наглядно свидетельствует, что сыну прачки удалось невозможное. Он стал классиком сразу двух литератур — румынской и французской. Одного этого достаточно, чтобы имя Истрати не было забыто.

Сегодня оно ничего не говорит российскому читателю, хотя в 1920-х произведения Истрати издавались в СССР многотысячными тиражами. В 1927 режиссер Борис Глаголин снял фильм по его роману «Кира Киралина». Владимир Маяковский сделал его

героем шуточного стихотворения «Говорят» (1929): «Барбюс обиделся — чего, мол, ради критики затеяли спор пустой? // Я, говорит, не французский Панаит Истрати, а испанский Лев Толстой. // Говорят, что критики названия растратили — больше сравнивать не с кем! // И балканский Горький — Панаит Истрати будет назван ирландским Достоевским». Илья Эренбург вспоминал о парижских встречах с «ирландским Достоевским»: «Возле Больших Бульваров на улице Шатодэн помещался восточный ресторан, содержал его тучный и сладкий сириец. Туда приходили греки и турки, румыны и египтяне, ливанцы и персы. Там подавали различные кебабы, голубцы из виноградных листьев, медовые пирожки, истекавшие салом, душистый котнар, анисовую водку с водой — арабы этот напиток зовут “львиное молоко”, греческое вино с запахом смолы. Меня туда привел Панаит Истрати; он восхищался яствами, которые соблазняли его в детстве; сладости, пряности, запах баранины его пьянили, он начинал рассказывать фантастические истории».

Ошибочно считать, что Истрати забыт в бывшем СССР, потому что «устарел». Его произведения активно переиздаются и в двадцать первом веке. На сайте *Amazon* можно найти 48 изданий Истрати не только на французском и румынском, но и на английском, турецком, испанском, итальянском, датском, каталонском, португальском, немецком языках, которые были опубликованы после 2000 года. Существует большая исследовательская литература его творчества и биографии. Только французская «Ассоциация друзей Панаита Истрати» опубликовала 95 выпусков своих тетрадей и бюллетеней.

Удаление Истрати из нашей памяти было произведено настойчивыми усилиями советской пропаганды и цензуры. Можно сказать, что эта «спецоперация» была еще одной сталинской репрессией, которая обеднила наши представления о мировой литературе.

Почему это произошло?

Подробно об этом можно прочитать в нижеследующем эссе нашей румынской коллеги Даниелы Радлер «Панаит Истрати. Советский опыт румынского писателя и отклики на “Шестнадцать месяцев в СССР”». Добавлю лишь несколько штрихов.

Среда не сумела «заесть» Истрати. Он не смирился с предписанной ему ролью парии и «сделал себя сам». Казалось, добившись успеха невероятными усилиями, следует образумиться и не идти против господствующих «трендов», как, например, поступал принципиальный советский нонконформист Бродский, когда перебрался в США. Писал там правильные стихи с осуждением советской агрессии в Афганистане, но при этом, как вспоминали его изумленные студенты, никогда, даже когда спрашивали «в лоб», не высказывался по поводу специфических методов, которыми американская армия «выкуривала» из джунглей партизан Вьетконга. Лишь однажды «сорвался» и прочел на публике под видеозапись «имперскую» оду «На независимость Украины».

Истрати, в отличие от Бродского, не срывался. Он неизменно во всеуслышание говорил, что думает, даже когда это было «чревато». Румынский писатель не мог поступить по-другому, потому что тогда он перестал бы быть самим собой: «Когда прекратятся проклятия, правда начнет пробивать себе дорогу. Тогда меня найдут на моем посту, том, на котором я стою с момента моего прихода в мир».

Впервые он выступил против общественного мнения в 1924 сразу после шумного дебюта с романом «Кира Киралина». Инициативная группа, собиравшая средства на памятник румынскому аналогу Пушкина — Михаю Эминеску, обратилась к Истрати за помощью. Он не только отказался участвовать в проекте, но и опубликовал открытое письмо, где объяснял, почему не считает возможным содействовать установке памятника гениальному поэту. Страстный румынский патриот Эминеску всей душой, как и было положено истинному патриоту того времени, ненавидел русских и австро-венгерских захватчиков, соответственно Бессарабии и Трансильвании, а также внутренних «оккупантов» — греков-фанариотов и евреев. Истрати написал в этой связи, что поэт-основоположник был «большим мастером с узкой идеологией».

Тем самым писатель совершил святотатство. Современный румынский исследователь, предвзято публикуя это письмо, несколько раз извиняется и подчеркивает, что Истрати, разумеется, был неправ. Это сейчас. А в то время заявление соотечественника,

добившегося успеха во Франции, вызвало всеобщее негодование патриотов. Общественное мнение межвоенной Румынии формировалось преимущественно правыми интеллектуалами, а крайние правые политики стремительно расширяли свое влияние при моральной поддержке высоколобых. Политическая атмосфера в Румынии была такова, что, когда в том же 1924 лидер румынских фашистов Кодряну застрелил в Яссах префекта городской полиции Манчиу, суд присяжных, украсивших себя свастиками, оправдал убийцу. В такой обстановке на Истрати набросились не только газетные властители дум. Он также получал угрозы от сторонников вечного студента Кодряну и другого любителя свастики — профессора Кузы, который, похоже, раньше Гитлера опорочил этот древний символ плодородия. Писателю пришлось бежать из Румынии. «Пощечина общественному вкусу» почитателей Эминеску губительно отозвалась на литературной карьере Истрати в родной стране, так как видные интеллектуалы, среди них был поэт Октавиан Гога, будущий автор антисемитских «расовых законов» (1938), в отместку объявили его бездарью, случайно добившейся успеха у падких на восточную экзотику иностранцев.

Догадывался ли писатель о последствиях своего открытого письма? Как показали последующие события, Истрати было свойственно грести против течения. Это была его неотъемлемая и редко кому присущая черта характера. Поэтому печальный опыт конфликта с румынским общественным мнением не приучил Истрати держать язык за зубами, и он снова откровенно высказал все что у него было «на уме», на этот раз во Франции, и опять с катастрофическими последствиями для своей литературной карьеры.

В противоположность преимущественно правой Румынии, французские левые были в тот период чрезвычайно влиятельны. Так, член Коммунистической партии Франции, нобелевский лауреат Анатолий Франс писал по поводу пятой годовщины большевистской революции: «Если в Европе есть еще друзья справедливости, они должны почтительно склониться перед этой Революцией, которая впервые в истории человечества попыталась учредить народную власть, действующую в интересах народа». Другой «нобелиат» Андре Жид до поездки в СССР в 1936 также был страстным

поклонником советского эксперимента. Он писал в дневнике: «Сердцем, темпераментом, мыслями я всегда был коммунистом». Еще один нобелевский лауреат, литературный наставник Истрати — Ромен Роллан до начала Большого террора активно поддерживал большевиков. Были в то время во Франции и другие влиятельные «друзья СССР».

Истрати был с энтузиазмом встречен во Франции в том числе и по причине безоговорочной поддержки борьбы угнетенного пролетариата. До своей поездки по СССР (1927–1929) он был убежден, что именно в этой стране находится родина трудящихся, и даже собирался переехать в Москву, чтобы помогать строить социализм. Близкое знакомство с советской «родиной» привело к разочарованию. Истрати так резюмировал свой печальный опыт: «Вижу, что яйца разбиты. Но где же яичница?»

Вернувшись в Париж, он в конце 1929 опубликовал «Исповедь для побежденных», которую можно, по аналогии с романами воспитания, определить как «роман разочарования». Истрати предвосхитил горькие чувства, которые испытали многие левые. Так брат моего деда был румынским комсомольцем тридцатых годов. Полиция знала наперечет всех смутьянов его родного бессарабского местечка. Накануне первого мая их арестовывали, чтобы не проводили демонстраций, избивали и второго числа отпускали «на свободу». Когда в 1940-м Бессарабия была «освобождена» Сталиным от «румынских бояр», молодые энтузиасты пролетарской революции довольно быстро убедились, что советская пропаганда и советская действительность — «это две большие разницы». Я запомнил слова разочарованного борца за «власть трудящихся», которого эта власть отправила в Сибирь: «Большевики разрушили нашу мечту!». В книге Истрати, написанной «на разрыв аорты», тщательно задокументирован трагический процесс разрушения сокровенной мечты при соприкосновении с коммунистической «реальностью, данной нам в ощущении». Тем самым он одним из первых среди известных «инженеров человеческих душ» бросил вызов сталинскому режиму и в этом смысле его справедливо именуют «Солженицыным до Солженицына».

Советская пропаганда эффективно работала «на экспорт». «Прогрессивным писателям» устраивали торжественные приемы

в Москве, экскурсии по «передовым» стройкам и «показательным» объектам. Все эти «мероприятия» сопровождалось изобильными банкетами. «Друзей СССР» ждал отдых в роскошных санаториях и, главное, щедрые гонорары. Истрати писал, что таких денег, как в Советском Союзе, он больше нигде не видел. Мог бы осмотрительно промолчать об «отдельных недостатках», как это делали многие из его коллег, и дальше получать «бонусы». Но он не промолчал.

Еще находясь в СССР, Истрати вступился за своего друга — троцкиста Виктора Сержа и его тестя Александра Русакова. Пользуясь статусом «гостя СССР», он добился публикации своей статьи в защиту друзей в «Комсомольской правде» и дошел до «всесоюзного старосты» Калинина. Тогда же он расстался со своим недавно обретенным другом Казандзакисом, который предпочел закрыть глаза на те самые «отдельные недостатки» в деле Сержа-Русакова и отойти в сторону.

Поведение Казандзакиса в этой ситуации показательно. Главной причиной его отказа встать на защиту гонимых была не корысть, а убеждения. Греческий писатель, как и многие его левые коллеги того времени, считал, что миссия России состоит не в том, чтобы построить справедливое общество. Эта отсталая страна с темным населением не приспособлена для успешного решения столь сложной задачи. Но большевики раздули мировой пожар социального обновления, который должен перекинуться на Запад, после чего уже там будет построено Царство Божие на земле. В романе «Тода раба» Казандзакис откровенно пишет: «Не Россия меня интересует, а пламя, которое пожирает Россию». Чтобы не затушить животворящее пламя раньше времени, ни в коем случае нельзя критиковать «отдельные недостатки» сталинского режима, так как эта критика может, как язвительно пародировал своих оппонентов Истрати, «вручить оружие буржуазии». Такой подход во многом напоминает сентенцию, которую приписывают Бисмарку: «Как построить социализм? Очень просто, надо найти страну, которую не жалко». Это поразительно, но левым проповедникам европейского гуманизма было не жаль жертв большевистских экспериментов над людьми.

К чести Истрати, ему претил цинизм борцов за социальную справедливость. Вернувшись во Францию, он попытался открыть глаза

своему литературному наставнику Роллану. Но не тут-то было. Все аргументы разбивались об убеждение нобелевского лауреата, что, несмотря на пресловутые «отдельные недостатки», СССР движется в правильном направлении и служит залогом спасения страждущего человечества. В своей книге Истрати приводит мнение одного из сторонников такой точки зрения: «Здесь есть правда, но в целом мы на правильном пути, и ты ошибаешься, раздувая факты».

Возможно, Роллан был не полностью искренен, поскольку в тот момент готовил «спецоперацию» по репатриации своей будущей жены Марии Кудашевой (Кювилье). Он, видимо, опасался, что разоблачительная книга его подопечного может скомпрометировать самого автора мема «балканский Горький» и поэтому настоятельно просил Истрати отказаться от «политики» и вернуться к «художественной прозе». Когда «Исповедь для побежденных» вышла в свет, Роллан, кроме критики сталинизма, обнаружил там оскорбительные выпады в адрес своей зазнобушки. Истрати, не зная о чувствах, которые его наставник питал к Кудашевой, фактически обвинил ее в сожительстве с шефом-большевиком и работе на советские спецслужбы. После этого Роллан надолго прервал переписку с «наперником».

После выхода «антисоветской» книги последовали атаки со всех сторон. Маяковский, как будто извиняясь за свои ставшие неуместными стихи о «французском Панаите Истрати», поставил подпись под коллективным письмом советских писателей с осуждением «ре-негата». Вал негодующих статей прокатился по страницам советской и европейской прессы. Среди западных гонителей оказались «серапионов брат» Владимир Познер и один из лидеров Социалистического интернационала Эмиль Вандервельде. Детали этой громкой кампании обстоятельно представлены в статье Даниелы Радлер.

Литературная карьера Истрати была разрушена. Разоренный и тяжело больной писатель вернулся в Румынию. В отчаянии он безрезультатно обратился к румынскому королю с предложением передать права на свои произведения «Издательству королевского фонда литературы и искусства» в обмен на пожизненную стипендию. Убежденный противник буржуазной эксплуатации,

разочарованный в советском строительстве социализма, он в последний год жизни сблизился с молодыми сотрудниками газеты «Кручиада ромынисмулуй» (Cruciada Românișmului, Крестовый поход румынизма). Один из них — Александру Талекс — так проникся личностью Истрати, что посвятил всю жизнь исследованию его жизни и творчества. Редактор газеты — Михаил Стелеску — начинал свою карьеру в фашистском «Легионе Михаила Архангела» и был одним из ближайших сподвижников «капитана» легионеров Кодряну. После убийства в 1933 премьер-министра Дуки был арестован вместе с другими лидерами фашистов, но все они были оправданы. Выйдя на свободу, Стелеску покинул ряды легионеров, создал собственную националистическую организацию и жестко критиковал в своей газете Кодряну. За это был зверски убит подручными «капитана» в 1936. Для Стелеску привлечение к сотрудничеству с новой газетой писателя с мировым именем было находкой. Истрати включился в публичный обмен взглядами на насущные проблемы Румынии с авторами «Кручиады». Он убеждал их сосредоточиться на проблемах трудящихся и настаивал на неприемлемости антисемитизма. Когда в «Кручиаде» появилась статья с восхвалениями итальянского фашизма, Истрати публично пригрозил, что прекратит отношения с редакцией.

Но, как говорится, с кем поведешься... В начале 1935 один из видных французских левых, знаменитый дизайнер Франсис Журден, вместе с которым Истрати путешествовал в 1927 в Москву на празднования десятой годовщины Октября, приехал в Румынию, чтобы встать на защиту одного из основателей местной коммунистической партии профессора Петру Константинуеску-Яшь, арестованного по обвинению в подрывной пропаганде. Истрати почему-то оскорбился этим актом пролетарской солидарности, хотя, возможно, истинная причина «ресентимента» состояла в том, что старый товарищ не попытался с ним встретиться. Узвленный румынский писатель написал открытое письмо «дорогому другу Журдену», в котором возмущался, как он считал, лицемерием давнего знакомого, озаботившегося преследованиями коммунистов на правом берегу Днестра и не замечающего многочисленные беззакония на берегу советском. Риторический прием «взаимозачета» («А у вас

негров линчуют») сам по себе является недобросовестным. Преступления большевиков не отменяют преступления румынских властей. Но Истрати, что называется, «понесло», и в результате он допустил в этом письме несколько антисемитских высказываний. Вот одно из них: «Я могу сказать, что факт вашей беседы с двумя *еврейскими коммунистами*, которые стали вашими информантами о нынешней ситуации, не только не достоин человека вашего уровня, но это и в самом деле преступный акт. Он не может иметь других последствий, кроме того, что предоставит новое оружие врагам межэтнического согласия, а именно позволит им утверждать, что “иностранцы” и “евреи” пользуются любой возможностью, чтобы подорвать основы государства, которое их приютило и предоставляет им хлеб».

Обращает внимание, что «еврейские коммунисты» — это не тот «уровень», видимо, подразумевается, что «уровню» Журдена соответствовала бы встреча с самим «балканским Горьким». Кроме того, оскорбительная забота о евреях, которые по неоспариваемой Истрати ущербной логике цитируемых им «врагов межэтнического согласия» должны думать прежде всего о том, чтобы не давать поводов для недовольства «приютившему» их этническому большинству (история румынского Холокоста показывает, что таковые поводы находились без труда), вступает в противоречие с многочисленными свидетельствами о присущих писателю интернациональных убеждениях. Хотя из «песни слова не выкинешь», историки литературы так сродняются с «объектами» своих исследований, что порой способны оправдать любой предосудительный поступок любимого автора. Так еврейский исследователь творчества Истрати Давид Зейдманн пишет, что его герой справедливо выразил искреннюю озабоченность возможными негативными последствиями вышеупомянутой встречи Журдена для евреев Румынии. На мой взгляд, такое «оправдание» дискредитирует Истрати больше, чем честное признание того, что писатель, находившийся в тот момент в последнем градусе чахотки, которому оставалось жить три месяца, в какой-то мере попал под влияние риторики «Кручиады» или, как выразился его давний еврейский друг Джошуа Йехуда, «заплутал среди румынских антисемитов».